

УДК 811.511.21'373.231.1

**МОТИВАЦИОННЫЕ ПРИЗНАКИ
В ДРЕВНЕСЕЛЬКУПСКОМ АНТРОПОНИМИКОНЕ**

С.М. Малиновская, Л.М. Райская*

ФГНУ Институт развития образовательных систем РАО,
г. Томск

E-mail: sibinedu@tspu.edu.ru

*Томский политехнический университет

E-mail: rajla@tpu.ru

Малиновская Светлана Михайловна, канд. ист. наук, доцент, заведующий лабораторией развития региональных образовательных систем Института развития образовательных систем РАО, г. Томск. E-mail: sibinedu@tspu.edu.ru
Область научных интересов: этнология, историческая антропониимика.

Райская Лариса Матвеевна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Томского политехнического университета. E-mail: rajla@tpu.ru
Область научных интересов: диалектная лексикология, семантика, стилистика.

Рассматривается селькупский традиционный антропониимикон, мотивационные признаки древних имен, приводятся группы мотивированных имен, отражающие специфические особенности архаического мировосприятия селькупов.

Ключевые слова:

Селькупы, традиционный антропониимикон, корневые морфемы, мотивация имени, сакральный смысл.

Обращение к исследованию наиболее архаичного пласта антропонимов этноса для выявления возможных древних этнокультурных контактов обусловлено рядом причин. Прежде всего, это чрезвычайная устойчивость корневых морфем этой лексической группы, сохраняющая, с одной стороны, родовую (племенную) идентичность носителя имени, но, с другой стороны, являющая и закрепляющая индивидуальные, личностные особенности человека в мотивированных именах-прозвищах [1. С. 46, 47], причём такого рода лексико-семантическая мотивированность актуализируется в существенной степени независимо от характера и степени диалектного варьирования словообразующих аффиксов.

Кроме того, в целом архаическое мировоззрение наделяло имя собственное особыми, сакральными свойствами, не только устанавливающими место человека в системе мировых и социальных координат, прочно удерживающих его в связях реального мира, но и определяющих пути его закономерного перехода в иномировое пространство космоса, который в мифологических представлениях селькупов отражался как единство трёх миров – небесного, земного и подземного.

В качестве материала исследования используется древнеселькупский традиционный антропониимикон, составленный методом сплошной выборки из ясачных книг по Нарымскому и Кетскому уездам XVII в. [2], а также челобитные ясачных людей, переписка воевод, следственные дела [3], хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов. Следует отметить, что поскольку в ясак писались только трудоспособные мужчины, селькупский именной фонд XVII столетия состоит исключительно из мужских имен. Кроме того, используемые рукописные источники далеки от идеальной сохранности. Отдельные листы повреждены, некоторые записи выцвели и не поддаются прочтению. Писцы XVII столетия весьма произвольно графически фиксировали чуждые им по звучанию имена: одно и то же имя в ясачных списках нередко зафиксировано в нескольких вариантах. Поэтому точное воспроизведение отдельных селькупских имен оказалось в целом далеко не простым. В таких случаях оптимальный вариант избирался путем тщательного сопоставления и сличения записей в ясачных книгах разных лет, и тем не менее нельзя исключить того, что некоторые селькупские имена могли быть неточно прочитаны, а следовательно, этимологизированы.

На основе этимологического анализа [4] при первичной систематизации антропониимикона по признаку тематической атрибуции корня-этимона были выявлены следующие основные группы имён – далее антропонимы выделены курсивом, а их этимологическая морфемная

структура определяется после угловой скобки (список локалов и других сокращений см. перед списком литературы). Группы имён иллюстрируются наиболее характерными именами из ясных книг по обоим уездам.

I. Имена, восходящие к номинациям животного и растительного мира

• **по названиям пород рыб:** *Келеско* <Тат. кели/кола «рыба» + суфф. -с + ко, букв.: «рыбий»; Кет. Квэлы; *Козя* <Тат. коза «рыбный песок»; ср.: Тиб. козе «селезень»; *Казангай* <каза «окунь» + н – показатель р.п. + суфф. -гай, букв.: «окуневый»; Лук., Кар., Таз. каза «окунь»; ср. УО, Мак. Яр касса «окунь»; *Кижак* <Тиб. кижя «костерка» + суфф. соотносительности -к; Питега <Тат. питея «щука» + уменьш. суфф. -га; *Кауля /Кавуля* <кауа «линь», возможно написание *кавуля-ка*, СтС, НС кауа «линь»; *Лауся* <Зуб., УО, Чиж. ла «язык» + у + суфф. -ся, букв.: «язывый»; *Муга, Мунга, Мугуча* <Таз., Н. муга/мунга «пескарь»;

• **по названиям птиц:** *Ченгул* <ченга «лебедь» + ул ~ол «голова»; Таз., Кар., Ласк., Нельм., Теб.; *Кулукку* <куле «ворон» + суфф. соотносительности -ку. Тат., Таз., Варг., УО; *Тега* <Таз. тега «гусь», ср.: Тат. тего «гусь»; *Укумко* <у «куропатка» + кум «человек» + ко; Таз., Нап., Ив., Варг., Чиж., УО, у «куропатка»; *Санга* <Таз., Кет., Н. сан «глухарь» + га; *Емча* <ечча «коршун», СтС, УО, Зуб.; *Кералча* <Кет. кера/кара «журавль, кедровка» + суфф. прил. -л + ча, ср.: Таз., Чиж., Ласк., Ив. кара «журавль, кедровка»; *Чичига* <Кет., Таз. чичига «пташка синегрудая» – звукоподражание;

• **по названиям животных и насекомых, их органов и атрибутов:** *Сурко* <Таз. сурип «зверь» + суфф. -ко, ср.: НС сурым; *Корга* <корга «медведь», Таз., Тат., Варг., Нап., Лук.; *Пега* <Таз. пегги «лось», ср.: СтС пегге «лось»; *Кыря* <кыря «колонок» (Cast); *Кажук* <Тат., Н.; кажа «муравей» + к; *Шига* <Таз. ши ~ си «соболь» + га, ср.; УО, СтС ши ~ си; *Нонга* <УО н'он «хвост зайца» + га, ср.: НС н'он «заячья шапка»; *Кыга* <Тат. кыга «яйцо». *Нянда* <Таз. няни «червь» + да/дай; *Тауля* <тава/тама + ля; Таз., Кар., УО, СтС, Ласк., Ив. тава «мышь, крот»; *Чук* <Чук «шмель, жук, букашка», Ласк., УО, Таз., Чиж.; *Лога* <лога «лиса» Таз.-Тым., Тат., УО, Лук. «логай», локка; *Пуля* <Кет. пуччо «нос», Таз. пути «бобр»; *Короя* <СтС, Ласк., Чиж., Ив., Нельм. кор/кур «бык, олень, жеребец» + пся;

• **по названиям леса, растений, их частей:** *Нютту* <Таз. нюте «трава»; Тат. нючу, ср.: Чиж., УО, Лук., Мак. нюдж «трава, сено»; *Салча* <Таз. салча «пень»; ср.: кет. –тым. салдзи «пень, столб»; *Чеуда* <таз. чеу ~ теу «черемуховая ягода» + -да/дай, ср.: Тат. тию «ягода»; *Мачка / Маччюга / Мачага* <таз., Н. мачи «лес» + ка или га; *Казылдей* <Таз. кази «кора» + суфф. прил. -л + дей, букв.: «коряной»; *Тыто* <Мак. Яр, УО тыть, тыте «кедр»; Таз. титик «кедр»; *Чора* <УО чора «заросль, чаша»; ср.: Чиж. чор «куст»; *Токсейко* <окса + суфф. -й + ко, букв.: «клубочек ветвей»; *Кута* /кутага <Кет., Таз. кут «ель» + -га, букв.: «елочка».

II. Имена, связанные с явлениями природы: *Сырат* <Таз., СтС, Ив., Ласк. сыр «снег» + ат, показатель генетива, букв.: «снежный»; *Милес* <Таз., Кар., В. «волна маленькая» + с/ся, букв.: «с волной»; *Муксыр* <Таз., Кар., Ив., Вас., Нап. мук /муге «черемуховое дерево» + сыр «снег», букв.: «черемуха в цвету». *Чона* <Кет. чондж «ледяная корка»; *Мерга* <мерг – «ветер» + окончание а, УО, СтС, Чиж.; *Кондасейко* <Таз., Кар. конда «заря», «спать» + сей + ко, букв.: «рожденный с зарей».

III. Имена, мотивированные пространственными ориентирами: *Киноыл* <ки-кин «река» + Таз. ыл-ил «низ» (о – соедин. гласная), букв.: «низ реки»; *Етак* <Таз., Кар., Мак. «деревня, юрта, жилище» эт/ете; *Араток* <ар «чистый» + то «озеро» + к, букв.: «чистое озеро»; *Чага /Чагра* <Таз., Н. чаги «озерко, болотце» + ра ира «старик»; *Поря* <Таз., УО паре «омут».

IV. Имена, восходящие к названиям артефактов: *Лобас* <Тат. лоба «рукавицы» + с/ся, ср.: ОО лова; Нельм., НС, Мум. ноп «рукавица»; *Пува* <пуа «нож», ОО «нож»; *Сигалча* <Тат. сига «нитка» + суфф. прил. -л + ча «ниточный», ср.: Чиж., Нап., Тиб. шига «нитка»; *Полча* <по «дрова» + суфф. -л + ча «дровяной», Таз., Кач., УО, СтС по/пол.; *Чакка* <чакка «колышек»; *Кырга* <СтС кырга «пузырь», «дырка», ср.: Таз., Кар., кер «дыра, рана»; *Има* <Таз. пиммы «штаны», ср.: НС. Пимеум; *Сюмба* <Таз.сюмба «обух»; *Сатча* <НС, УО сатча «куделя»; *Канна* <Тат.кан «трубка».

V. Имена, мотивированные антропологическими/антропометрическими характеристиками и психофизическими признаками: *Топка* <Таз.-Тым. топ-топи «нога» + ка, «ножка», ср.: тат., тоба; *Мунтованда* <Таз. мунти «кусочек» + Таз., Кар., ОО. ванды «лицо»; СтС

вадд «лицо»; *Магазя* (Магадай) < Таз., Кар., СтС, Мак. мага «спина» + зя/ся или -дай; букв.: «захребетный»; *Илеба* < иланг К., Таз., Кар., Н. «жить», илебел «выживший», ср.: УО илегу «ожить»; *Кибаира* < Таз.-Тым. киб/кипа «маленький» + Таз., ОО, УО Ира «старик»; *Кегерсай* < Таз. кегер «вертится» + Таз.-Тым. сай «глаз», букв.: «косой»; *Чумбол* < Таз. чумб/чумпи «длинный» + Таз., К., Н. ол «голова»; *Чиримкур* < Тат., Н. чирим «толстый» + кур/кол «самец», «толстяк»; *Чюнбакаба* < Ласк. Чумпи «длинный» + Таз.-Тым. каба/кепи «туловище»; *Пыргел* / *Пыргелдай* < пирги Таз. «высокий» + л + дай, ср.: ЛК. перг «высокий»; *Варгосай* < Таз., Н. варго (варко) марга, верги «большой» + Таз.-Тым. сай «глаз», букв.: «большеглазый»; *Кибакоко* < Таз.-Тым. киб/кипа «маленький» + УО кокка «ушко», букв.: «маленькое ушко»; *Писенса* < Таз. писинча «смешливец»; *Ранепса* < Таз.-Тым. ранипса «бренчалка»; *Саноча* < Кет., Таз. сан/тан «сила», связанная с появлением зубов + ча; *Тазак* < Тат. ташыг-ташуг «зазнайка».

VI. Имена, образованные от наименований частей тела: *Але* < Таз., Кар., Б олале «голова», СтС, Ив. «голова, шишка кедровая»; *Пергей* < Мак. Яр., СтС, *Пергилдайко* < Таз. перги «брюхо» + суфф. прил. -л + дай + ко; *Сеткул* < СтС сет «язык» + кул «человек»; *Ора* < Кет., Таз. ор «сила физич.», ора НС «горсть», Чиж., СтС, УО, Чиж., Нар. «сила»; *Кой* < СтС, Лук., Зуб., Мак., Варг., Ив., Таз. ко «ухо» + суфф. прил. -й; *Ута* < Таз., кар. уд «фука», ср.: ОО уде, Тат. утол; Кет. Утта; *Унда* < умд «борода, усы» (н-м); Мак., Лук., УО, СтС, Нельм.; *Инокаба* < НС, УО, Мак. Яр инне «верх» каба «туловище», ср.: Таз., Кар. инне «верх»; *Сычела* < Таз. сичи/сычи «сердце» + ла, ср.: Тат. сичел «сердце», Кет. Ситы; *Пучуга* < Таз., ОО пучо/пучче «нос»; *Каченся* Кет. кат «лоб» + пся; Менилака «пуп».

VII. Имена, мотивированные социальными характеристиками и семейной ролью: *Поча* – фольк. богатырь; Есак < тюрк. ясак «дань»; *Куркуп* < Таз., Кар., ЛК «один» + куп «человек», ср.: Лук., СтС, НС окур; *Ляка* / *Лякка* – «друг»; *Тоболда* – «добывший честь»; *Куимко* < кой «богатый» + суфф. -мко; *Которкум* / *котугум* «ватага» (Татищев), ср.: Таз., Кар. коте «много» + орм «сила» + кум «человек», букв.: «силач»; *Калаккул* < Тат. калан «дань» + кул «человек»; *Ирулка* < Таз., ОО, УО ира «старик» + суфф. прил. -л + ка «старенький»; *Емра* < УО, Зуб., Лук. ем/ева «мать» + ре, усеченное от ира «старик»; *Селякур* < Таз. сел «свояк» + кур/кор «самец, жеребец. бык»; *Ильджа* < ильча «дед»; *Есегелчик* < К. есегу «отчим» + л + чик, букв.: «лишенный отца»; *Нимко* < в самод. языках ним «имя», возю, нима «бабушка»; *Колыпкул* < Таз. калипиль «остаться (без матери)», Кул. «человек»; *Кокса* / *Кукса* < кок во всех диал. «князь, богач».

Процесс антропонимизации терминов родства и социального положения у самодийцев, как и у многих других архаических социумов, обусловлен табуированием имен, т. е. запретом на произнесение настоящего имени. Как пишет А.В. Хомич, ненцы «избегали» называть человека его настоящим именем и употребляли взамен подставные имена описательного характера [5. С. 115]. В другой работе тот же автор, описывая семейный быт ненцев, сообщает, что в прошлом даже муж и жена называли друг друга не по имени, а нарицательными существительными «хасова» – «мужчина», «вэсако» – «старик» и, соответственно, – «женщина», пухуця – «старуха» [6. С. 181]. У ненцев и нганасан настоящим именем могли называть человека лишь люди старшие по возрасту; в то время как младшие члены семьи или стойбища называли его абстрактно: дядя, брат, отец, а женщины (и то за глаза) – зять, тесть, свекор, а в присутствии самого человека говорили о нем только в третьем лице [7. С. 40].

Селькупы к родному отцу и матери обращались не по имени, а со словами, соответствующими русским терминам «отец» и «мать». В этих случаях родственный термин полностью заменял имя. Жена никогда не должна была называть мужа по имени ни при обращении к нему, ни при упоминании его в разговорах с другими людьми. Не произносила женщина также имени родителей мужа, соответственно и муж обращался к ее родителям, применяя лишь термин свойства: *нал'дам* (*нал'дай на ам*): «мать моей жены»; *ил'д'ам*: «отец моего мужа»; *па'ам* «моя жена»; *наа'ум* «моя жена»; *тиби'ум*, *прам*: «мой муж». В результате некоторые термины родства перешли в разряд антропонимов.

VIII. Имена-обереги: *Лозя* / *Лосымко* < Тат., Таз., Н., Кет. лоз–лос «черт, дьявол»; *Чура* < Чуре «гнида», УО, Лук.; *Кошкола* < Таз., Кар. кошка «плохой, бедный» + суфф. -ля, ср.; Варг. кошка «худой», Чиж. кошколк «плохой, худой»; *Котыга* < Кет. кот «сопли» + га, ы – соединит. глас.; *Лера* < лэр «испуг»; *Суска* < Кет. сока (у-о) «свинья»; *Мачемко* < Кет. мачил «лесной дух»+ко.

Бытование таких имён объяснялось желанием избежать воздействия злых духов, что могло быть связано как со смертью предыдущих детей, так и с боязнью потерять первого ребенка.

Этимологический анализ мотивированных личных имен томских селькупов, извлеченных из архивных документов XVII в., приводит к выводам, совпадающим с мнением специалистов, работавших с именниками других сибирских народов [8. С. 133, 157]: наибольшим антропонимическим потенциалом обладали имена нарицательные, связанные с основными элементами селькупской экосистемы: природа (флора, фауна, природные стихии); человек и система его жизнеобеспечения, духовный мир человека, человек и социальная среда, психофизическая деятельность человека. Отметим, что слова именно этих лексических групп и использовались для обозначения концептов архаического мировосприятия любого этноса.

Осознавая известную ограниченность использованного нами круга источников по селькупскому антропонимикону, считаем возможным утверждать, что среди корней-мотиваторов, положенных в основу зафиксированных в документах XVII в. собственных мужских имен, преобладают названия, связанные с биологическим видами и атрибутикой рыб, животных, птиц, растений и других представителей флоры и фауны. Это, бесспорно, весьма древний, если не самый архаичный, пласт селькупской антропонимики.

Однако представляется, что выявленная классификация антропонимов по тематической соотнесённости корня-мотиватора не исчерпывает комплекса смыслов сакральных, заложенных в традиционном селькупском имени. По мнению В.А. Никонова, мотивы выбора имени этнографами пока не изучены [9. С. 41]. Это утверждение в полной мере относится и к народностям самодийской группы, но в то же время можно предположить, что семантика и мифологические коннотации имени, призванного в архаическом сознании служить не только идентификатором индивида, но и его социальным и космологическим представителем и хранителем, определялись рядом факторов.

1. Прежде всего, изучение нескольких сотен селькупских мифов показало, что наиболее значимым и почитаемым духам и тотемам-прародителям, персонифицирующим первобытное самосознание и познание мира, присущи циклы метаморфоз [10]. Так, мать-вода претерпела метаморфозы: чудовище кожара, «мамонт-щука» → огромный таёжный лось Кандальдук → человек с лосиным носом и копытами → летучее существо с крыльями → красивая девка в дупле дерева → дерево. Таким образом, сакральным смыслом наделялись все звенья цепочки метаморфоз. При этом процесс и результаты метаморфоз осмыслялись и закреплялись в масштабной метафорической картине мира древних селькупов, в которой, например, древнейшая ипостась матери-земли представлялась в образе огромного существа, зверя или птицы, на спине которого обитает все живое. Лес – шерсть или перья, река – кишка, а её устье *ак* – рот; ручей истока – *тальдже* (хвост), притоки левого берега *тыбыл* – ноги, правый берег *мокал* – спина [10]. Безусловно, при таком способе мировосприятия обычным, с точки зрения современного человека, реалиям и их наименованиям придавались сложные онтологические и магические смыслы, что, в свою очередь, могло служить основанием для выбора слова в качестве имени собственного.

2. Идеология и практика поклонения стихиям-прародителям – солнцу и земле – основывалась у селькупов на табуировании имён божеств и, вследствие этого, на сложной, многоступенчатой системе эвфемизации наименований божеств и названий их свойств-атрибутов [11]. Отметим, что в этой связи несколько обособленно, вне (или над) всеми выявленными тематическими группами мотивированных антропонимов следует рассматривать имена *Тюметко* < Таз., Тат., Н. чуми «земля» + т + ко; *Тузот* < Таз., Кар., Чиж., Ив., Нан. чу/ту «земля, глина» + суфф. -т собирает. значение.

Эти имена апеллируют непосредственно к именам духа матери-земли как одного из основных (наряду с Солнцем) космогонических персонажей селькупской мифологии, что в целом нехарактерно для традиционного селькупского имяположения: более системными являются мотивационные признаки со значением символа божества-демиурга, часто выраженного чрезвычайно имманентно. А поскольку в качестве земных воплощений (аватар) божеств селькупы рассматривали животных-тотемов, родоначальников племенных объединений и объектов культа, то, очевидно, на различных стадиях эвфемизации лексическими мотиваторами антропонимов становились или сами названия животных-тотемов, или имена нарицательные, используемые для их обозначения на последующих стадиях эвфемизации. Необходимость всё новых

средств эвфемизации, очевидно, обусловлена постепенным стиранием самого представления об эвфемистичности названия в речевом узусе (общеизвестно, например, что таёжники и охотники обычно избегают использования эвфемистичного названия «медведь» и заменяют его словами «хозяин», «топтыгин» и др.). Можно предполагать, что процесс эвфемизации в его метафорической и метонимической актуализации для архаического миропонимания находился в неразрывном единстве и взаимообусловленности с идеей длительных, а порою и циклических, метаморфоз. Так, предположительно, корень имени божества Солнце в производном значении «день» [12] использован в имени *Кондасейко* <от конда «заря», «спать» + сей + ко, букв.: «рожденный с зарей».

Среди тотемических животных-прародителей, почитавшихся селькупам, особое место принадлежало медведю [13. С. 139]. Антропонимы, восходящие к слову «медведь», несомненно, связаны с тотемическими представлениями либо их реликтами. Селькупы усматривали черты сходства медведя с человеком, и эта мифологически обоснованная [12] антропоморфность, очевидно, обусловила высокий деривационный потенциал корня *гор/кор* в селькупском языке. К этим корням восходят не только антропонимы с непосредственным способом номинации (*Корга* «медведь»), но и имена от мотиватора с трансформированной семантикой. Так, В.В. Быконя доказывает, что этот компонент вошёл в наименование понятия «жеребёнок» и совпадает с личным именем основателя «медвежьего» племени *Korse* [12. С. 137]. Зафиксированное имя *Короня* «бык, олень, жеребец» отражает этот семантический дериватив. С идеей силы, власти, присущих медведю, коррелирует лексема *кок* «князь, царь» – в именах *Кокса / Кукса* (во всех диалектах «князь, богач»), *Куксалче* «князь» + салча «пень», *Куимко* «богатый».

Диахронный лингвистический (семантический) анализ лексики селькупского языка позволяет выявить архаический пантеон мифологических предков – объектов культа: 1) мифический предок «солнце»; 2) мифический предок «земля»; 3) мифический предок «ворон (черный)»; 4) мифический предок «медведь»; 5) мифический предок «собакоподобное существо»; 6) мифический предок «паук» [12. С. 134]. Возможно, в зависимости от периода происхождения имени рефлекс этих родо-племенных культов в традиционном именнике находят отражение прямое, непосредственное (как в именах *Кулукку* – от кулу «ворон»), или гораздо более имплицитное и опосредованное. Так, вероятно, имена *Мачка* (от мачи «лес»), *Мачемко* (от мачил «лесной дух») восходят к представлениям о божественном предке «земля» в его ипостаси «волосатая земля», где *мад* – «лес, тайга, бор, обрыв» [12. С. 134].

Таким образом, следует констатировать, что древние селькупы создали сложную космогоническую систему мировосприятия и познания. Эта система предстаёт далёкой от статической неподвижности, но основанной на диалектической взаимосвязи всего сущего, на восприятии постоянной изменчивости божеств и духов как норме их бытия, на метафорическом осмыслении трансформаций и оригинальном мифопоэтическом видении мира. Трудно представить, что при этом постоянное имя взрослого мужчины (а именно такие, по-видимому, преимущественно записывались в ясачные книги) давалось человеку по признаку случайному, не отражавшему связи с родом и мифическим родоначальником, а, следовательно, не способным ни защитить носителя имени, ни наделить его необходимой жизненной силой.

Специальной литературы, посвященной исследованию традиций выбора имени у самодийских народов, за исключением статьи В.О. Долгих об энцах [7], не существует.

Тем не менее привлекают внимание данные исследования антропонимов сибирских татар [14], в которых сохраняются тюркские корни, в целом соответствующие мотиваторам в традиционных селькупских именах, например, *нуга* «луг» (ср. селькупское имя *Нюргум* < нур «заливной луг» + кум «человек»>); *туйын* «глина», *сойр/суйыр* «глухарь», *мешй* «дерево», *мишй* «лес», *кйёл* «озеро», *калым* «озерко», *кйзён* «куница, соболь». Кроме того, в этом же источнике приводятся данные о фиксации этих корней в других тюркских языках – монгольском, хакасском, киргизском, азербайджанском, туркменском.

Поэтому представляется возможным, что дальнейшие сопоставительные исследования традиционных антропонимических систем этнических групп Центральной Азии позволят сделать выводы о более длительных и глубоких контактах самодийцев-селькупов с тюркскими этносами, поскольку генетическая близость религиозных и мифологических воззрений реализуется не только и не столько в лексических и деривационных заимствованиях, сколько в нали-

ции параллелизма в формировании моделей лексических подсистем, принципиально важных для архаического миропонимания.

Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект №12-01-00256.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Бел.	п. Белояровка	Мум.	п. Мумышево
бук.	Буквально	Н.	Нарымского острога ясачные
Вандж.	п. Ванджилькынак	Нап.	п. Напас
Б.	Баишенский диалект	Нельм.	п. Нельмач
Варг.	п. Варгананджино	НС	п. Новосондрово
Ив.	п. Иванкино	Нюль.	п. Нюль ядрово
К.	Кетского острога ясачные	Пар.	п. Парабель
Кар.	Карасинский диалект	СтС	п. Старосондрово
Ласк.	п. Ласкино	Тат.	Татищева материалы
ЛК	п. Лымбель-Карамо	Таз.	Тазовский диалект
Лук.	п. Лукьяново	Теб.	п. Тебенак
Мак.	п. Маковское	УО	п. Усть-Озерный
Марк.	п. Марково	Чиж.	п. Чижалпа
Мак. Яр, МЯ	п. Максимкин Яр		

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Скорик П.Я. Антропонимические процессы у малых народностей Севера // Антропонимика / под ред. В.А. Никонова, А.В. Суперанской. – М.: Наука, 1970. – С. 39–52.
2. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ясачные книги по Нарымскому и Кетскому уездам за разные годы XVII в. (Ф. 214 – Сибирский приказ. Оп. 1. Кн. 19, 22, 32, 54, 144, 271, 716).
3. РГАДА. Ф. 630. Оп. 1. Кн. 11, 30 – челобитные ясачных людей, переписка воевод, следственные дела.
4. Ономастическая картотека (рукописные словари Кастрена М.А., Эрдели И.), хранящаяся в лаборатории «Языки народов Сибирского Севера» им. А.П. Дульзона Томского государственного педагогического университета.
5. Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. – Л.: Наука, ЛО, 1976. – 189 с.
6. Хомич Л. В. Ненцы. – М.-Л.: Наука, 1966. – 329 с.
7. Долгих Б.О. Старинные обычаи энцев, связанные с рождением ребенка и выбором ему имени // КСИЭ. – 1954. – Вып. 20. – С. 35–43.
8. Молчанова О.Т. Мотивированные личные имена у алтайцев // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем / под ред. В.А. Никонова. – М.: Наука, 1970. – С. 189–194.
9. Никонов В.А. Задачи и методы антропонимии // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем / под ред. В.А. Никонова. – М.: Наука, 1970. – С. 33–56.
10. Селькупская мифология / Составитель Г.И. Пелих. – Томск: Изд-во НТЛ, 1998. – 80 с.
11. Быконя В.В. Эвфемизация как средство формирования семантической системы селькупского языка // Вестник Томского гос. пед. ун-та. – 2010. – Вып. 7. – С. 77–83.
12. Быконя В.В. Мифические предки в культуре селькупского этноса // Вестник Томского гос. пед. ун-та. – 2011. – Вып. 3. – С. 134–140.
13. Ким А.А. Реликты культа медведя у селькупов // Сектор археологической теории и информатики. 2007. URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/Home/pub/Data/?html=bear3.9.htm&id=550> (дата обращения 26.10.2012).
14. Алишина Х.Ч. Основные итоги исследования ономастикона сибирских татар // Language and literature. 2010. URL: <http://frgf.utmn.ru/last/No12/text06.htm> (дата обращения 15.09.2012).

Поступила 31.10.2012 г.